

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(4)"1945/..."

doi: 10.17223/19988613/92/21

Из тупика: Германия в 1945–1955 гг.: Рец. на кн.: Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М.: Individuum, 2024, 496 с.

**Владимир Николаевич Барышников¹, Олег Юрьевич Пленков²,
Таисия Максимовна Демичева³, Анатолий Васильевич Смолин⁴**

^{1, 2, 3, 4} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ v.baryshnikov@spbu.ru

² o.plenkov@spbu.ru

³ t.demicheva@spbu.ru

⁴ a.smolin@spbu.ru

Аннотация. Рецензируется монография Харальда Йенера «Волчье время. Германия и немцы в 1945–1955». Тема выживания в Германии после ужасной войны в современной Германии вызвала огромный интерес, о чем свидетельствуют тираж книги и награды автору. Харальд Йенер первым взялся описать это состояние Германии с разных точек зрения, привлекая материалы по истории повседневности: черный рынок, грабежи, рационирование продуктов, процесс «перевоспитания» немцев союзниками. В рецензии обращается внимание на некоторые намеренные и ненамеренные упущения Харальда Йенера, связанные с экономической историей, в частности с диалектикой развития корпоративного государства в ФРГ, революцией в сельскохозяйственной сфере и др.

Ключевые слова: преодоление нацистского прошлого, социальная история ФРГ, социальная история ГДР, молодежная субкультура в ФРГ, история повседневности, демократизация ФРГ, немецкое экономическое чудо, преодоление нацистского прошлого

Для цитирования: Барышников В.Н., Пленков О.Ю., Демичева Т.М., Смолин А.В. Из тупика: Германия в 1945–1955 гг.: Рец. на кн.: Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М.: Individuum, 2024, 496 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 179–184. doi: 10.17223/19988613/92/21

Book review

Out of the impasse: Germany in 1945–1955. Review on the book: Jähner H. Wolfszeit: Deutschland und die Deutschen 1945–1955. Berlin, Rowohlt, 2019. 480 S.

Vladimir N. Baryshnikov¹, Oleg Yu. Plenkov², Taisiia M. Demicheva³, Anatoly W. Smolin⁴

^{1, 2, 3, 4} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ v.baryshnikov@spbu.ru

² o.plenkov@spbu.ru

³ t.demicheva@spbu.ru

⁴ a.smolin@spbu.ru

Abstract. The article is a response to Harald Jähner's monograph "Wolf Time. Germany and the Germans in 1945-1955. Moscow, 2024. The topic of survival in Germany after a terrible war, in which the Germans themselves were to blame, aroused great interest in modern Germany, as evidenced by the circulation of the book and the awards to the author. The fact is that the exaltation of the Deutsche Wirtschaftswunder and the undoubted successes of the FRG and the GDR in eliminating the Nazi past, the creation and establishment of a modern democratic culture in Germany, as it were, overshadowed those monstrous problems of the Germans after the war, which seemed to have no end and there were no prospects to sort out this rubble. The newspaper Kölnische Rundschau noted in 1946 that "it is not the parties and trade unions that determine our lives, not the young democratic government or the occupation authorities, but hunger, just hunger." In addition, there is unemployment, a quarter of the destroyed housing stock. Refugees from the east of the country were received extremely poorly – the aggressive rejection of solidarity and cruelty were so strong that the allies feared a civil war. Sometimes locals were forced to accept refugees under arms. In Bavaria, peasants could even choose who to

let into the house – the most beautiful women, men for work, and the weak and helpless were driven away. Instead of democratic values, racist ones dominated – the once-related "Aryan" Volksgenossen turned into "Poles", and in Protestant regions – into despicable Catholics. In a very original way, Jähner believed that for the Germans the black market had become a vital experience, as a result of which they acquired the most important market skills that made adjustments to the fetish of national unity – a relic of the Third Reich.

Harald Jähner was the first to describe this state of Germany from different points of view, using materials on the history of everyday life: the black market, robberies, rationing of products, the process of "re-education" of Germans by the allies. The authors in this review note some intentional and unintentional omissions of Harald Jähner related to economic history, in particular the dialectic of the development of the corporate state in Germany, the revolution in the agricultural sector and some others.

Keywords: overcoming the Nazi past, the social history of Germany, the social history of the GDR, youth subculture in Germany, the history of everyday life, the democratization of Germany, the German economic miracle, overcoming the Nazi past

For citation: Baryshnikov V.N., Plenkov O.Yu., Demicheva T.M., Smolin A.W. (2024) Out of the impasse: Germany in 1945–1955. Review on the book: Jähner H. *Wolfszeit: Deutschland und die Deutschen 1945–1955*. Berlin, Rowohlt, 2019. 480 S. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 179–184. doi: 10.17223/19988613/92/21

Ныне Германия – одна из самых стабильных и процветающих демократий мира, народ которой является одним из самых открытых, доброжелательных и готов принимать иммигрантов даже из стран, которые не имеют к европейской культуре и традициям никакого отношения. Между тем путь к нынешнему благолепию был первоначально весьма тернистым, – именно к описанию этих проблем и обратился автор рецензируемой монографии бывший редактор *Berliner Zeitung* Харальд Йенер. Его книга сразу же стала бестселлером после публикации в Германии в 2019 г., и автор получил весьма престижный приз Лейпцигской книжной ярмарки за пронизательно сбалансированный взгляд на послевоенную Германию. В самом деле, это увлекательная и хорошо документированная история послевоенных первых десяти лет второй немецкой республики.

Автор начинает свое повествование с того момента, когда заканчивались бои за Берлин и в городе царили полное безвластие, хаос и спутник всего этого – мародерство. Люди взламывали продовольственные склады, квартиры, брали все, что попадало под руку. Собственно, данную монографию можно отнести к жанру истории повседневности – этот жанр обычно трудно читаем, поскольку концептуального единства и структурной ясности в такого рода исследованиях очень тяжело достигнуть уже в силу самого объекта исследования, бесформенного, аморфного и развивающегося вне всякой логики. В этом ключе Йенер обращается к ощущениям людей в разбомбленных городах, настроениям возвращающихся из плена солдат, к рационированию продуктов, голоду, черному рынку, проституции, даже к маниакальной и иррациональной танцевальной мании в разрушенной стране, деталям возникновения новой урбанистики (на примере построения в Вольфсбурге на пустом месте города «Фольксваген»). Несмотря на эту пестроту, Йенеру удалось создать в самом деле интегральную картину страны. Он сумел показать, как и почему Германия смогла радикально трансформироваться от зловещей нацистской политической системы в современное демократическое государство. Автор представил обширный обзор этого периода, охватывающий политическую, социальную и географическую сферы, чтобы нарисовать ясный портрет страны, страдающей от су-

ровых последствий того, что она оказалась проигравшей в ужасной войне. Можно считать, что автору удалось объяснить, как большинству немцев, при всем их упорном неприятии личной вины, в то же время в итоге удалось избавиться от менталитета, который сделал возможным нацистский режим. Как писал Аристотель в одном из своих этических текстов «Никомахова этика», «каждый может разозлиться – это легко; но разозлиться на того, на кого нужно, и настолько, насколько нужно, и тогда, когда нужно, и по той причине, по которой нужно, и так, как нужно, м это дано не каждому». Немцы со временем смогли по всем пунктам разозлиться на того, кого нужно, и как нужно – это их достижение значимо до сих пор.

Тема, избранная Йенером, особенно занимательна тем, что Германия была первой страной мира, которая в новое время потерпела тотальное поражение и лишилась суверенитета, – как восточная часть страны, ГДР (до 1989 г.), так и ФРГ (до подписания договора о суверенитете 5 мая 1955 г.), – и 12 сентября 1990 г. состоялось объединение страны. Иными словами, первые десять лет у ФРГ не было собственной истории – она находилась под властью оккупационных войск, это обстоятельство Йенер особенно часто подчеркивает. Он пишет, что то, что объединяло немцев до конца войны, после войны было полностью уничтожено. Старый порядок был разрушен, новым еще и не пахло, решением насущных проблем пока занимались победители-союзники. 75 миллионов человек, которые сбились в кучу летом 1945 г. на территории, некогда называвшейся Германией, едва ли можно было назвать народом. Эту эпоху стали называть «безвременем», или «волчьим временем», когда человек человеку стал волком. Собственно, эту метафору из старинной латинской поговорки (*Homo homini lupus est*) Йенер использовал в названии рецензируемой книги.

Автора интересовало прежде всего то, каким образом после 12 лет нацистской диктатуры немцы на востоке смогли стать образцовым, хотя и нелюбимым, учеником СССР, а на западе – образцовым подражателем и учеником США, Великобритании и Франции. Неслучайно самая большая глава книги «Перевоспитатели» посвящена процессу *Reeducation*. Надо отдать должное автору, он не пытается представить этот про-

цесс как протекавший гладко и без препятствий: разумеется, одна из самых культурных наций Европы не могла принимать это перевоспитание без чувства отторжения, поскольку никакие поражения не могут задевать так сильно, как указание на культурную ущербность, культурную отсталость или несоответствие требованиям времени в сфере культуры.

Довольно подробно Йенер описывает страсти по изобразительному искусству, разгоревшиеся в послевоенной Германии. Если при нацистах дегенеративное (абстрактное) искусство находилось под запретом, то с его крушением запреты рухнули. Первая выставка состоялась в 1946 г. в Дрездене, в советской зоне оккупации. Анализ отзывов показал, что 65% посетителей высказались негативно о современном искусстве. Полное равнодушие к нему выразила молодежь. В то же время 82% иностранных посетителей высоко оценили современное искусство. Подобная реакция была характерна и на выставке «Экстремальная живопись» в Аугсбурге. Такая ситуация обеспокоила западные оккупационные власти, поскольку показала, что вкусы широкой публики и элиты – не одно и то же [1. С. 353]. Согласно опросу Алленсбахского института опросов общественного мнения, даже в 1956 г. две трети граждан предпочитали обычные картины с пейзажами или портреты, а абстрактное искусство выбирали только 3% опрошенных. Стараниями оккупационных западных властей вскоре абстрактное искусство стало доминировать в Боннской республике. По словам автора, «...каждый начальник считал своим святым долгом украсить кабинет абстрактной живописью. Уже очень скоро стал очевидным факт, что вкусы широких слоев населения и элиты разошлись. Искусство решило, что больше не нуждается в одобрении народа, а народ перестал узнавать себя на семейном портрете республики» [1. С. 359]. В ГДР процесс пошел другим путем: там искусству предъявлялось требование быть близким и понятным народу.

При этом, как справедливо замечает Йенер, американцы очень быстро поняли возможность использования абстрактного искусства в качестве инструмента идеологической борьбы. Поэтому они всячески поощряли абстрактное искусство, учреждали стипендии для молодых художников, финансировали их выставки, не жалели денег на приобретение картин. Художники, «перевоспитанные» американцами, затем возвращались в Германию и обучали бесплатно в Доме Америки своих учеников. Таким образом Америка утверждала свое искусство на международной арене, а стратеги холодной войны распространяли его по миру, хотя понимали, что конгресс не выделит средств на экспорт этого искусства, кощунствующих пачкунов, в Европу. Благодаря целенаправленной выставочной политике, проводимой госдепартаментом и специалистами по психологической войне, художники-абстракционисты стали идеальными представителями Америки. Этим занимался также и отдел международных организаций ЦРУ.

Особенно раздражала немцев американская денацификационная анкета с ее совершенно невнятными вопросами. «Невнятными» по той причине, что американские юристы, не жившие в условиях тоталитарной

действительности, судили людей, которые находились в совершенно отличных от демократических стран условиях, когда свободы выбора не было вообще. В 1951 г. Эрнст фон Заломон написал роман «Анкета» [2], ставший одним из главных бестселлеров послевоенного времени. Используя злополучную анкету как каркас романа, он натянул на него огромное автобиографическое полотно на шесть сотен страниц и попытался доказать, что сложная жизнь немецкого интеллектуала, придерживающегося национал-консервативных взглядов, отнюдь не исчерпывается сводом каких-то нелепых вопросов [1. С. 10]. В итоге у Заломена получалось, что цепочка событий, приведших Гитлера к власти в 1933 г., была настолько плотной, что втиснуть туда возможность какой-то инвариантности нет никакой возможности. Йенер, наверное, из свойственной современным немцам склонности к самоуничтожению (преодоление прошлого) даже не комментировал формулированное Заломоном утверждение о том, что после объединения страны в 1871 г. за два поколения было создано самое высокоразвитое в экономическом отношении государство Европы с правопорядком и четкой административной юрисдикцией, неподкупной и эффективной бюрократией, высокоразвитой системой образования (едва ли не лучшей в мире; так, один немецкий чиновник в 1947 г. сказал, что немецкая школа достигла своего высшего уровня в 1880 г. – к восстановлению этого уровня и нужно стремиться [3. С. 328]), самыми значительными в мире научными достижениями к концу XIX в. И, конечно, сами немцы даже в жутких условиях послевоенной разрухи не могли забыть об этом прошлом, несмотря на усилия по «перевоспитанию», предпринимаемые оккупационными войсками.

Некоторое неприятие вызывает «нейтральная» позиция Йенера в отношении особенностей организации экономики и непонимание преемственности достижений Третьего рейха и благополучия ФРГ. Читая эту часть монографии, можно подумать, что немецкое экономическое чудо свалилось с неба. На деле же еще при Гитлере под давлением военной необходимости нацисты использовали новые методы менеджмента, новые технологии, что и было использовано после 1945 г. Очень важной посылкой эффективности военной промышленности и последующих послевоенных успехов была реформа управления и планирования в рамках промышленных союзов. Система «корпоративного рыночного хозяйства» кайзеровской Германии придала немецкой экономике в конце XIX в. необыкновенную динамику. Эта система была извращена в Веймарскую республику до карикатурного *Verbände-staat* (корпоративного государства), а потом окончательно уничтожена «государственным корпоративизмом» и нацистской командной экономикой. С началом же войны существенная часть реформ рейхсминистров вооружений и боеприпасов Фрица Тодта (до гибели в 1942 г.) и Альберта Шпеера состояла в том, чтобы заменить государственное регулирование промышленным самоуправлением. Система комитетов и объединений (*Ringen*) значительно ограничивала автономию отдельных предпринимателей, но зато на корпоратив-

ном уровне усиливала роль промышленных объединений. «Система Шпеера» создала новый тип управленцев, имевших довольно значительную свободу рук, поэтому в условиях тотальной экономической мобилизации возник новый тип менеджера, самостоятельно действовавшего и принимавшего решения. Эти питомцы «детского сада Шпеера» и после 1945 г. играли ведущую роль в организации экономики. Система Шпеера хорошо сочеталась с «социальной рыночной экономикой», в которой слово «рыночная» не было пустым звуком. Теория и практика социальной рыночной экономики находилась под влиянием университетов, институтов изучения конъюнктуры, экономических отделов банков и промышленности, определяла образ мышления и действий предпринимателей и менеджеров. После войны все элементы шпееровской системы управления и планирования повлияли на возникновение специфической смеси мероприятий западногерманской *Ordnungspolitik*, которая позволила в полной мере раскрыть все преимущества немецкого корпоративного рыночного хозяйства [4. S. 531–533]. Эти преимущества сформировались исторически, а не были просто одновременно сформированы в ФРГ после 1945 г.

Канцлер Конрад Аденауэр прекрасно понимал преимущества этой системы, не меньше чем министр экономики в 1949–1963 гг. профессор Эрхард, и не только в экономике; он смог сохранить восприимчивую к традиции и эффективную властную структуру немецкой бюрократии на всех уровнях власти – федеральном, земельном и в общинах. Неслучайно он сам был прусским администратором и чрезвычайно почитал эту традицию крупного протестантского государства, которое союзники в 1947 г. объявили «преступным» и ликвидировали. Это было, конечно, исторически несправедливым, поскольку прежняя милитаристская и воинственная Пруссия канула в Лету, а Пруссия в межвоенный период была оплотом социал-демократов.

Такой подход к прусской традиции административной юрисдикции совпадал с максимой Макса Вебера, что государство прежде всего выражается в управлении повседневной жизнью. Решение сохранить бюрократию в форме немецкого профессионального чиновничества первоначально оспаривалось (вплоть до 1953 г.) по той причине, что значительная часть этого чиновничьего корпуса сотрудничала с государством Гитлера. Репутация чрезвычайно эффективной и неподкупной части государства не допустила реформирования бюрократии, несмотря на настоятельные советы союзников. Поэтому никаких значительных персональных изменений не произошло: не обращая внимания на членство в НСДАП чиновников из прусской администрации, администрация Аденауэра их приняла на работу [5. S. 12]. В ФРГ в 1950 г. около 40% бывших членов партии занимали, как и прежде, свои административные посты [6. S. 267]. Йенер же сосредоточился не причинах оставления прежней бюрократии, а на отдельных случаях критики прежних государственных бюрократов, оставленных Аденауэром на своих постах. Правда, со временем, особенно после «революции 1968 г.» люстрации в ФРГ продолжались с новой силой.

Нападкам за нацистское прошлое подвергались и политики (почти всегда несправедливо, что Йенер игнорирует). Так, на президентских выборах 1964 г. в ФРГ с подачи пропагандистов ГДР Генрих Любке, избранный на этот пост в итоге, был обвинен в том, что в нацистские времена работал архитектором в фирме, которая проектировала бараки для концлагерей. В глазах западногерманской молодежи то обстоятельство, что обвинение было инициировано из ГДР, ничуть не снижало его значимости и важности. Также президент Теодор Хойсс был обвинен в том, что, будучи членом Демократической партии, в 1933 г. голосовал в рейхстаге за чрезвычайные полномочия Гитлеру. Под огнем критики более десяти лет находился госсекретарь ведомства канцлера Ханс Глобке. Почти семь лет работал министром по делам беженцев Теодор Оберлендер, который в нацистские времена был замешан в преступлении СС на Восточном фронте.

При этом публика (и Йенер) часто не замечала, что эти нападки были совершенно несправедливы. К примеру, Ханс Глобке на посту шефа канцелярии канцлера был совершенно незаменим, обладая огромными, даже по немецким масштабам, работоспособностью, чувством долга, ответственностью, памятью и прилежанием. Стандартной фразой Аденауэра при возникновении затруднительных ситуаций была: «Поговорите с господином Глобке». Аденауэр предлагал ему пост министра внутренних дел, но он отказался. *Süddeutsche Zeitung* отмечала, что Глобке, безусловно, второй по значимости политик в ФРГ, он производил впечатление директора лицея, который предпочитал преподавать в младших классах. Кроме того, Глобке во многом способствовал сближению и примирению с Израилем. Именно по этой причине, когда соответствующие службы ГДР предложили Израилю компрометирующий материал на этого «убийцу евреев» (*Judenmörder*), израильтяне поблагодарили, но отклонили предложение и не приняли эти материалы. Примечательно, что издатель газеты *Allgemeine Wochenzeitung der Juden in Deutschland* Карл Маркс принадлежал к числу защитников Глобке, полагая, что последний взялся за написание комментариев к Нюрнбергским законам потому, что другие сделали бы это гораздо более радикально и жестоко [7. S. 53, 63]. Кроме того, Глобке был верующим католиком и не был членом нацистской партии.

В процессе расширения этих нападок на политиков или других людей, как-либо связанных с нацистским прошлым, и возникло «критическое сознание» немецких активистов 68-го, оно формировалось на протяжении нескольких лет и не было результатом простого желания протестовать, а развилось в ходе конфликта поколений по вопросу «фашизма» и его преодоления. В 1968 г. в немецкой молодежной среде не раз звучали вопросы, обращенные к поколению отцов. Следует уточнить: вопросы не критического характера. Ибо приговор был вынесен еще до того, как была доказана справедливость обвинений. Йенер следовал преимущественно такой же логике «революционеров» 1968 г. В ФРГ, впрочем, это часть леволиберальной политической культуры.

Одной из центральных тем Йенера была тема беженцев и изгнанных – миллионов обездоленных и ли-

шенных всего людей с восточных немецких территорий. С 1945 по 1974 г. ФРГ переживала огромный приток населения. Из 14 млн беженцев и изгнанных погибли более двух миллионов. Погиб каждый шестой фольксдойч. В 1939 г. на территории современной ФРГ проживали 39,4 млн человек, а в 1950 г. 47,7 млн. К 1960 г. приблизительно четверть немецкого населения состояла из беженцев и изгнанных. Без беженцев и изгнанных население ФРГ к 1974 г. составляло бы всего 41 млн человек [5. S. 35]. Для того чтобы представить себе масштабы этой проблемы, вспомним, что «всего» около полумиллиона арабов с территории Израиля были выселены и / или бежали, ныне их проживает в разных арабских странах гораздо больше, но ассимилироваться с местным населением, не отличающимся от них ни по языку, ни по религии, большинство из них не желает. Это поныне составляет проблему мирового масштаба, главная черта которой – терроризм. Если бы себя подобным образом повели 13–14 млн изгнанных и лишенных родины немцев, трудно было бы даже представить себе такой ад.

Конечно, в исторической литературе эта проблема всегда была в центре внимания, хотя и вполне в политкорректной форме (беженцы и изгнанные платили по счетам злодеев Третьего рейха – такой подход доминирует и ныне), но Йенер подошел к этой проблеме с иной стороны: эти беженцы внесли решительный вклад в модернизацию страны. Автор писал, что многие переселенцы сыграли важную роль в том социальном и культурном смешении всех элементов, которыми молодая республика так гордилась. Переселенцы буквально перемешали страну, как карточную колоду, нивелировали региональные отличия и в значительной мере способствовали тому, что спустя несколько десятилетий немцы выбрали такую абстрактно-рациональную идентичность, как конституционный патриотизм. Это способствовало исчезновению местных диалектов в некоторых регионах. Дети переселенцев стеснялись своего родного диалекта, старались говорить в школе на идеальном литературном немецком языке, и их примеру вскоре последовали и дети местных жителей. Переселенцы из балласта вскоре превратились в приобретатели для немецкой экономики. Обычно они были более активны и быстрее приспосабливались к новым обстоятельствам, чем коренные немцы. Это можно объяснить и тем, что большинство из них были протестантами, отличавшимися лучшей трудовой этикой и особенно упорным характером в преодолении жизненных трудностей. К тому же вместе со своей родиной они утратили и многие иллюзии, стали более гибкими и честолюбивыми. Две трети переселенцев, имевших когда-то свою коммерцию или ремесло, после переселения сменили профессию. 90% бывших крестьян вынуждены были начать поиски других источников доходов. Это была целая армия работников, готовых, не торгуясь, вкалывать до седьмого пота. Быстрый экономический подъем после хозяйственной реформы 1948 г. был бы невозможен без трудового энтузиазма переселенцев. Ко всему прочему многие из них имели прекрасное образование и высокую квалификацию. Весьма неожиданно Йенер обратил внимание на то,

что, несмотря на все интеграционные успехи, последние большие лагеря для переселенцев освободились лишь к 1966 г. До этого миллионы несчастных изгнанников годами жили в бараках из гофрированного железа по 20 человек в комнате. Они жили в переоборудованном концлагере Дахау и других филиалах преисподней, хотя и в более благоприятных условиях [1. С. 106]. Вместе с тем автор все время напоминает, что процесс интеграции не был мгновенным – для послевоенного немецкого общества был характерен высокий уровень ксенофобии, причем не только национальной, но и локальной. Она распространялась на недавних жертв нацизма (иностранцев рабочих), победителей (девушки, вышедшие замуж за американских солдат, часто сталкивались с осуждением) и даже соотечественников с востока Германии. Очень удачно Йенер эту часть своей работы иллюстрировал важным артефактом – кинофильмом Р.В. Фасбиндера «Замужество Мери Браун», которым Фасбиндер в 1979 г. воздвиг памятник послевоенным «неверным» немкам. И хотя в этом фильме материальный мотив стоит на первом плане, все же чувство собственного достоинства, излучаемое исполнительницей главной роли великолепной актрисой Ханной Шигуллой, свидетельствует об определенном уважении к данной жизненной позиции [1. С. 202]. Это был один из самых удачных акцентов в рассматриваемой монографии.

Еще одна очень важная тема монографии Йенера – компенсации утерянной собственности переселенцев, самое грандиозное в современной истории перераспределение собственности. Именно эти средства помогли изгнанным и лишенным родины начать новую жизнь, и это перераспределение прошло удивительно гладко и без всяких проблем [5. S. 56]. В соответствии с «Законом о равном распределении тягот» 1952 г. каждый западный немец должен был в течение 30 лет выплатить государству половину стоимости той собственности, которой он владел по состоянию на июнь 1948 г.; вырученные деньги шли на компенсации тем, кто по итогам войны лишился своего имущества. Удивительно, что в бундестаге никаких особых возражений со стороны собственников не было, и это при немецкой бережливости и экономности... Такое перераспределение собственности стало возможным вследствие невероятно высокой экономической конъюнктуры, которую Йенер оставил практически без внимания, за исключением главы о Вольфсбурге, городе «фольксвагена», написанной в весьма критическом ключе.

Также Йенер игнорировал сферу сельского хозяйства, а там произошла настоящая революция, в ходе которой удивительно безболезненно удалось перестроить аграрный сектор, который за 20 лет потерял 3,2 млн рабочих мест (две трети занятых на селе). Доля аграрного сектора упала с 25% в 1949 г. до 13,3% в 1960 г., 7% в 1973 г., 5,3% в 1980 г. и 2% в 2000 г. При этом за счет всякого рода модернизации производительность аграрного сектора выросла на 60%, а доходы, благодаря всякого рода субсидиям, – на 500%. Поразительно, но эта драматическая деаграризация не вызвала никаких общественных потрясений, не говоря уже о политических трудностях. Самое грандиозное

перераспределение собственности в пользу изгнанных и беженцев на селе также прошло удивительно гладко и без всяких проблем [5. С. 56].

Нацизм после войны в Германии испарился моментально. Он исчез, во-первых, потому, что был осужден как международным, так и немецким судом. Во-вторых, потому что большинство населения им не прониклось глубоко: вчерашние нацисты, пробудившись от воздействия идеологии, не увидели ясной связи между идеологическими обещаниями и действительностью [8. С. 32]. Все это усиливало тенденцию, проявившуюся сразу после окончания войны: немцы видели в роли жертв в первую очередь себя. Тезис о том, что в послевоенной Германии «молчали о прошлом», не совсем верен: о прошлом говорили часто и многословно, описывая беды, незаслуженно свалившиеся на немецкий

народ, в лице сначала нацистов, а потом оккупационных держав.

В итоге Йенер поясняет свое невнимание к экономическим успехам восстановления Германии, поскольку «пусть немецкое послевоенное общество упрекают в недостатке любви к правде, зато ему нельзя не отдать должное и не отметить следующее: оно дало такие результаты по вытеснению, что из них до сих пор извлекают огромную пользу потомки. То, что, несмотря на упорное нежелание дать объективную оценку прошлому, несмотря на массовое возвращение представителей прежней элиты на прежние посты и должности, в обоих немецких государствах утвердилось очищенное от нацизма мировоззрение, – это гораздо большее чудо, чем *Deutsche Wirtschaftswunder*» [1. С. 409]. С точки зрения современной Германии это в самом деле так.

Список источников

1. Йенер Х. Волжье время. Германия и немцы: 1945–1955. М. : Individuum, 2024. 496 с.
2. Заломон Э. Анкета. СПб. : Владимир Даль, 2019. 933 с.
3. Bundesrepublikanisches Lesebuch. Drei Jahrzehnte geistiger Auseinandersetzung / Hrsg. von H. Glaser. Wien : Fischer, 1978. 445 S.
4. Abelshäuser W. Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. H. 4. S. 528–550.
5. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Fünfter Band Bundesrepublik und DDR 1949–1990. München : Beck, 2008. 529 S.
6. Vincent M.-B. Une nouvelle Histoire de l'Allemagne XIX–XXI siècle. Paris : Perrin, 2020. 408 S.
7. Ramge Th. Die großen Politik-Skandale. Eine andere Geschichte der Bundesrepublik. Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2003. 278 S.
8. Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М. : МИК, 2000. 103 с.

References

1. Yener, H. (2024) *Volch'e vremya. Germaniya i nemtsy: 1945–1955* [A Time of Wolfs. Germany and the Germans: 1945–1955]. Translated from German. Moscow: Individuum.
2. Salomon, E. (2019) *Anketa* [The Questionnaire]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Glaser, H. von (ed.) (1978) *Bundesrepublikanisches Lesebuch. Drei Jahrzehnte geistiger Auseinandersetzung*. Wien: Fischer.
4. Abelshäuser, W. (1999) *Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 4. pp. 528–550.
5. Wehler, H.-U. (2008) *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*. Vol. 5. München: Beck.
6. Vincent, M.-B. (2020) *Une nouvelle Histoire de l'Allemagne XIX–XXI siècle*. Paris: Perrin.
7. Ramge, Th. (2003) *Die großen Politik-Skandale. Eine andere Geschichte der Bundesrepublik*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
8. Besançon, A. (2000) *Bedstvie veka. Kommunizm, natsizm i unikal'nost' Katastrofy* [The Disaster of the Century: Communism, Nazism, and the Uniqueness of the Catastrophe]. Translated from French. Moscow: MIK.

Сведения об авторах:

Барышников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Пленков Олег Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.plenkov@spbu.ru

Демичева Таисия Максимовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: t.demicheva@spbu.ru

Смолин Анатолий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.smolin@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baryshnikov Vladimir N. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Plenkov Oleg Yu. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.plenkov@spbu.ru

Demicheva Taisiia M. – PhD (History), Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: t.demicheva@spbu.ru

Smolin Anatoly W. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.smolin@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 20.03.2024; accepted for publication 15.11.2024